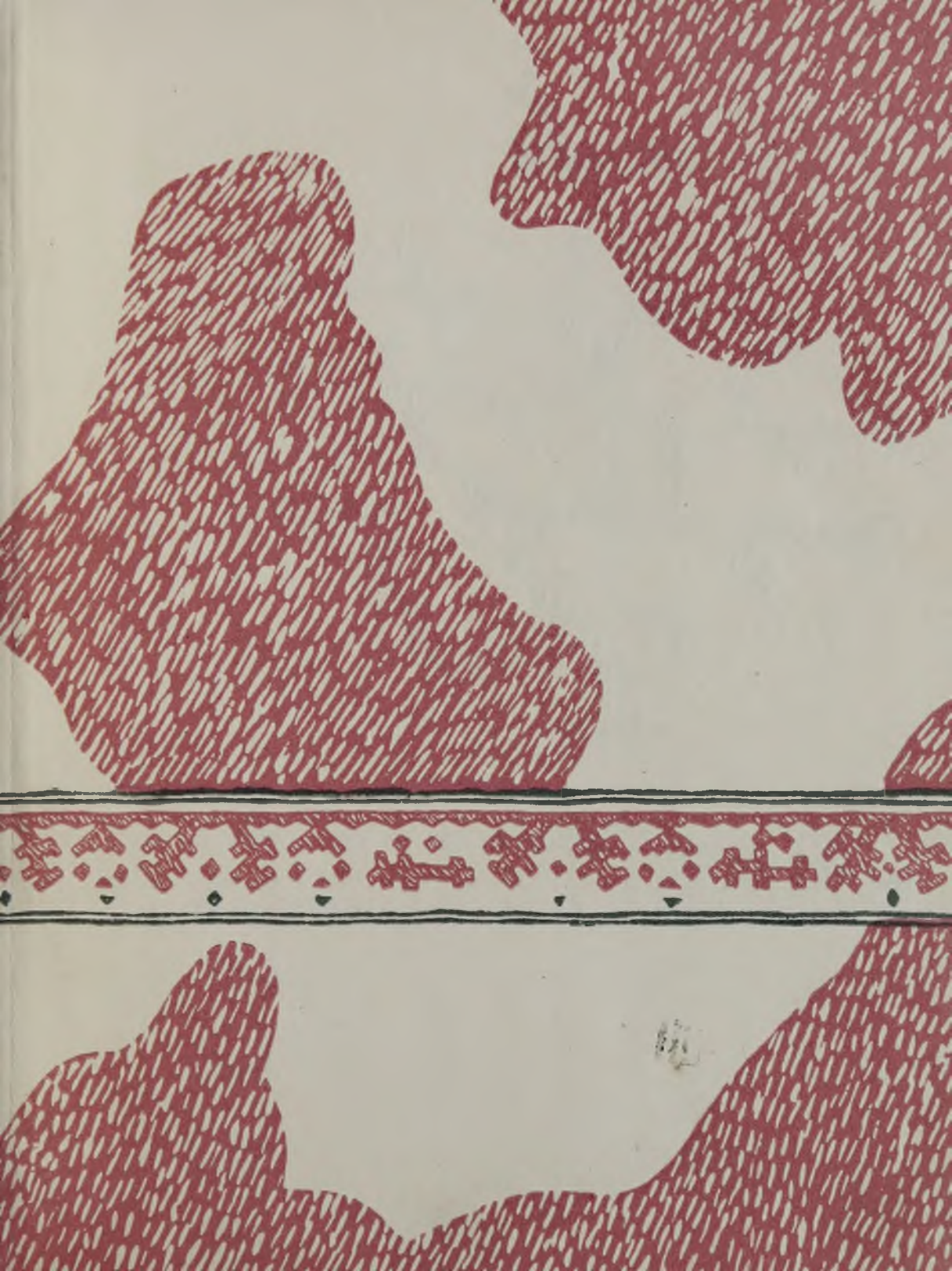
84(Рос=Мар)
Ш51

КОВОЙ

ОГОНЬ НА ОГОНЬ



Дорогой тетушке
как привет
из Тулко-Сале
„ка бытописмо"
„Музенёк"

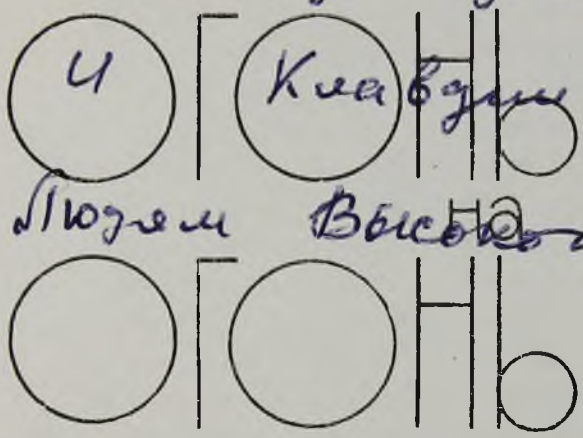
ЮВАН

Новомиру Борисовичу

ОГОНЬ НА ОГОНЬ

И Клавдии Андреевне-

Людям Высокого огня.



СТИХИ

перевод
с манси

В память о давней встрече на Полярном круге... От автора

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, 1966 – 098730 –

Иван Шеталов

02.02.87.

Государственная
библиотека
Югры

РФ

ПЕСНИ ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА

Песнь народа — это сад поэзии, где поют радость и счастье,— гласит мансийская мудрость. Но Юван Шесталов такого сада в наследие от своих литературных предшественников не получал. Их просто-напросто не было у него. Сама письменность у манси появилась с приходом Великого Октября. Следовательно, поэзия Ювана Шесталова не могла идти от какого-то накопленного поэтического опыта. Вместе с тем это не значит, что она родилась сама по себе или из ничего... Напротив — она шла от устного творчества народа, вбирая в себя всю прелесть родного языка: его напевность, образность, лаконизм, богатство удивительных красок, которые помогла создавать сама природа Севера с ее колдовскими причудами сполохов. К тому же поэта вдохновляла великая русская и советская поэзия, озарившая не одну братскую поэзию негасимым духом жизнеутверждения и созидания.

Юван Шесталов в какой-то степени сам стал как бы родоначальником национальной мансийской поэзии и прозы, когда в полный голос запел, взволнованно и нежно обращаясь к родной природе, своему народу, глубоко и задушевно раздумывая о счастливом времени. И сад поэзии наполнили н о в ы е песни. В них молодость и солнечность, ясность мысли и яркость воплощения. Они — изумительное завоевание маленького народа.

Каждая песня поэта внутренне освещена каким-то огненным чувством и полнотой содержания. У него зачастую лирика органично сливается с масштабностью видения и понимания мира:

Море солнца, детство без мученья,
получило наше поколенье.
До того уютно нам живется,
что иной уж и не ценит солнца...

Сыновняя связь с родной землей и братское общение со своим народом обогащают палитру поэта. Его поэтический язык густ и сочен; картины быта и природы выразительны в своих подробностях, которые выдумать нельзя, а можно только увидеть. Все это воссоздает удивительную картину правдоподобия, достоверной конкретности и делает его поэзию по-настоящему глубоко национальной.

Искрометность и задушевная чистота чувств поэта — основа доходчивости его произведений. Пользуясь удачным выражением самого Ювана Шесталова, можно сказать, что у него

Песни пахнут облаками,
Солнцем,
лесом
и грозой...

Голос Ювана Шесталова звонок и лиричен, высок и чувствителен. Его поэзия всегда стремительна, как полет стрелы, летящей к заветной цели, и чиста, как священная любовь к родной земле, к великой державе Советов.

Леонид Шкавро

Я согрею

Не кричите, что продрогли,
Не шумите, что замерзли,
Я еще ведь только-только
Разжигаю свой костер.

Нет еще тепла нисколько,
Затевают только-только
Языки его живые
Свой веселый разговор.

Не шумите, не пляшите!
У огня — глаза и уши.
Говорили предки манси:
Пламень слышит и глядит.

Если глаз ему проткнете —
Он ослепнет, он погаснет;
Если уши прожужжите —
Он не вспыхнет, зашипит.

Погодите, не шумите!
Дров у нас в запасе много.
Разбегутся все медведи,
Скажут: — Экая жара! —

Но найдет к костру дорогу
Путник из таежной чащи;

В котелке рыбак наварит
Золотой ухи, дымящей;
*И свои кисы * просушат*
Звероловы у костра!

Нужно вам согреть кого-то,
Приводите, я согрею.
Если что спалить вам нужно —
Приносите, я сожгу.

Не дивитесь, что на льду я,
На снегу костер затеял.
Не мешайте, не кричите —
Я таежник, я смогу!

1959 г.

* *Кисы* — меховая обувь.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

Человек родился

Ветер, как собака лает,
белая, цепная;
Лихо пляшет, снег швыряет
вьюга ледяная;

Вьюга в поле кружит рьяно,
Голос зол и звонок...
...В тихой люльке берестяной
Закричал ребенок.

Вьюга воем на рассвете
Мальчика встречала,
Первый крик его на свете
Не перекричала.

Словно он уже гордится:
«Вот какая сила!»
Словно он уже грозится:
«Что, мол, победила?»

За окошком вьюга пляшет,
Снег в пригоршнях носит,
У дверей собака наша
Воет на морозе.

Куропатки улетают,
Их заносит вьюга;

Ветер и мороз гуляют
В чаще — как два друга.

Мой горластый, узколицый,
Ты зачем родился?
В мир тайги, где ветер злится,
Ты зачем явился?

Стонет мать, и в горьких звуках
Боль ее и сила.
Темной ночью в тяжких муках
Сына мать родила.

На полу, где иней талый,
Там родятся дети.
Сколько горя испытала
Мать моя на свете!

Вьюга выла, вьюга злилась,
Вихри бьют, упрямы.
Радость, как цветок, раскрылась
На губах у мамы.

Нежность, радости, печали,
Снежное ненастье...
Люди, вы бы мне сказали,
Что такое счастье?

Может быть, в улыбке тихой,
В светлой женской боли,
В жгучей вьюге, что волчихой
Рыщет в чистом поле?

Может, счастье здесь таится?
Все я принимаю...
Станет мальчик с бурей биться,
Пробираясь к маю,

Станет падать, подниматься,
Путь искать средь ночи,
Станет плакать и смеяться...
О, как жить он хочет!

1958 г.

Ой, легенды, что вы врете!

Говорят, мы в чумах жили,
Что мышиных нор грязнее,
Рыбью кровь со смаком пили
И не знали яств вкуснее.

Где туман, как привиденье,
Над болотной бродит гнилью,
Комары с противным пеньем
Будто нас заворожили.

Словно карлики-деревья,
Мы вросли, мол, в топь корнями...
...Языкастые поверья
Нас прозвали дикарями.

Ой, легенды, что вы врете!
Вы совсем уже не правы.
О моем лесном народе
Столько нынче песен славы!

И тайга полна молвою,
Что лесного меда слаще.
Электрической звездою
Загорелось в избах счастье.

У меня есть много братьев —
Врач, учитель и ученый.

А в колхозе председатель —
Мой отец неугомонный.

Я, поющий песню эту
В лад с таежными ветрами,
Разве мог бы стать поэтом,
Если б вырос с дикарями?

Если б солнечную ласку
Я в глазах людей не встретил,
Где бы взял я светлой краски,
Чтоб писать стихи вот эти?

За моей души свободу,
За большое счастье будней
Слава партии, народу
И спасибо добрым людям!

1960 г.

Снова сердце бьется

В дни, когда не знал я,
что такое счастье,
Спорил я с грозою
на калданке быстрой.
Бил калданку ветер
на волнах кипящих,
И грома из неба
высекали искры.
Лютым зверем лодку
искусали волны
Белые, как пена,
на губах шамана.
Под слезами тучи,
под кнутами молний
Бредил я, мальчишка,
берегом желанным.
Словно пух утиный,
прыгало под громом
Маленькое сердце
в бессердечных водах,
Но стремилось сердце
к берегу родному,
Где леса синели,
обещая отдых.
И рукою слабой,
как крыло гусенка,
Я в весло вцепился,

превозмог усталость,
И налег на бурю
всей моей силенкой.
И помчалась лодка —
к берегу помчалась.
Повзрослев, узнал я,
что такое счастье.
Я слагаю песни
для земли родимой.
Я сшибаюсь грудью
с бурею свистящей,
Потому что тучи
не проходят мимо.
И когда посмотрит
злобными зрачками,
И когда нацелят
огненные стрелы,
И когда сражаюсь
я с клеветниками,
Что желают раны
из царапин сделать,—
Снова сердце бьется,
как бывало в детстве.
В сердце зреют силы,
сердце счастью верит.
Пусть бывает трудно —
есть у сердца средства
Из волны и мрака
вырваться на берег.

1958 г.

*

Звезды на снегу блистают,
Лес луной облит.
Белых куропаток стая
В снежных лунках спит.

Сосен мерзлый звон над нами
Слышится в тиши,
Стынут в теплой снежной яме
Три живых души.

Три души на белом свете:
Мама, я и пес,
Нам уснуть в попутной яме
Не дает мороз.

Наверху, что глаз олений,
Звездочка блестит.
Каждой веткой в отдаленьи
Лунный свет звенит.

Звон все ближе, стужа злее,
Пальцы сведены.
К сердцу тянется, синея,
Острый луч луны.

Луч скользит через сугробы —
Кажется: вот-вот

Ледяным цветком навеки
Сердце прорастет!

Только знаю: как ни трудно,
Надобно уснуть.
Завтра снова будет утро,
Снова — дальний путь.

Соревнуясь меж собою,
Лыжи побегут —
Словно ручейки весною,
Путь себе пробьют.

Потому и сердце бьется,
Холоду назло,
И в холодной снежной яме
От него — тепло!

Звезды падали, звенели,
Крался луч луны,
Ах, какие в той постели
Виделись мне сны!

Звездный звон я и поныне
В сердце узнаю,
Песней стали сны лесные,
Их я и пою!

1957 г.

-098730-
Государственная библиотека Югры
РФ

*

Я проснулся. Рощи
Песни распевали.
Хохотали чайки.
Небеса сияли.

Двигались старушки,
Как девчонки, быстро,
И плескались стайки
Рыбы бахромистой.

Из дощатой будки
Выглянули разом
Два веселых солнца —
Два собачьих глаза.

Старые осины
С детворой шумели.
Щебетаньем птичьим
Небеса звенели.

Я проснулся. Сердце,
Что б такое спеть нам?
Мир, как я сегодня,
Стал двадцатилетним.

1957 г.

Мать

Здравствуй, край мансийский милый —
Со смолистою тайгой,
С молодой отцовской силой,
С материнской добротой!

Машет мне рукой осина,
Улыбается вода.
Слышу лепет лебединый —
Словно в детские года...

Детство — с кваканьем лягушек,
С плеском уток у озер,
С птичьим пеньем у опушек —
Ты волнуешь до сих пор...

Мать! Твой взгляд я помню нежный,
Треск лучины в тишине...
Вихрь в пыли купался снежной —
Ты тепло дарила мне.

Но нагрянуло несчастье,
Омрачился неба взор...
Где ты, синь? Кругом ненастье —
Мать ушла в дремучий бор *...

* *«Ушла в дремучий бор»* — выражение, обозначающее смерть близкого человека.

Я, как лист на голой ветке,
Мерз под ветром ледяным,
Дождь колол, осенний, редкий,
Снег летел — я стыл под ним.

И мороз свирепый клялся
Погубить меня навек —
Жег, под сердце подбирался,
Повалить старался в снег.

В край, где столько лет я не был,
Я вернулся ныне вновь.
Улыбалось солнце в небе,
Был приветлив шум лесов!

Птичий гомон разливался —
Отдавалась песнь во мне;
Мир вокруг звенел, качался
На сверкающей струне.

Нет! Осенний дождь колючий
В дождь меня не обратил!
Ни мороз, ни злые тучи
Не лишили юных сил!

Родиной золоторукой,
Словно матерью родной,
Обогрет я и взлелеян;
Крепнет, зреет голос мой.

Я смотрю ее глазами,
Плачу я ее слезой;
Пахнут песни облаками,
Солнцем, лесом и грозой!

1957 г.

Березы золотые и газ

А. Г. Быстрицкому

Ссыпалась с березы позолота,
Гуси по-осеннему галдят,
Красными глазами из болота
Ягоды тяжелые глядят.

Желтые и красные монетки
На тропинках вдоль и поперек,
Лист последний прыгнул тихо с ветки,
Словно желтый маленький зверек.

Лет немало, долгих зим немало,
До прозрачной северной весны
Тихое Березово дремало,
Видело младенческие сны...

В позабытом уголке на свете,
В снах таежных, в снеговой пыли
Березяне тоже, словно дети,
Слушали мелодии земли.

Видело семейство бурундучье,
Как за взрывом старая сосна
Рухнула в тайгу, ломая сучья...
Это был конец лесного сна.

Как береза осенью таежной,
Встал огонь глухих подземных жил.

И, как листья, быстро и тревожно
Искры золотые закружил.

Для иных, кто не видал ни разу,
Как геолог покорял тайгу,
Божьим гневом стала вспышка газа.
Плакали, молились на бегу...

Но явились люди молодые
И сказали мудрые слова:
«Будет газ — березы золотые
Больше не погибнут, как дрова».

Город мой известным стал по праву,
Он стране тепло и свет принес,
И шумит березовская слава
На ветвях березовских берез.

1960 г.

Всесильный чай

Золотой огонь, трещи,
Сердце нам разгорячи!
Мы, белее мерзлой рыбы,
Без тебя пропасть могли бы!
Выручай, выручай,
Кипяти всесильный чай!
С первой капли — только тронь! —
Будем жечься, как огонь;
Со второй-то мы небось
Станем быстрыми, как лось;
С третьей капли — чудеса! —
Полетим через леса;
Мы с четвертой капли будем
Танцевать на радость людям;
С пятой капли ночью зимней
Целоваться захотим мы,
А с шестой —
Вспыхнет кровь,
Запоет в груди любовь!
А с седьмой горячей капли
Будем вечно жить, не так ли?
Эй, трещи, огонь, трещи,
Сердце нам разгорячи!
Выручай, выручай,
Кипяти всесильный чай!

1959 г.

*

Вот таких, как люди, беспокойных,
Вот таких прямых,
на земле немало сосен стройных,
вековых.
И пускай
под топором певучим
застоялый рушится сосняк,
но встает
и цепко держит тучи
устремленный к небу
молодняк.

1960 г.

Город

Он глаза слепил
И гудел, как улей,
Он вертел, кружил,
В суматохе улиц.

Я впервые в нем...
Вот летят машины —
Фары бьют огнем
Ярче глаз звериных.

Солнце длинных кос
В небесах не чешет,—
Только дыма хвост
Да металла скрежет.

Высотой дома
В снеговые горы,
А народу тьма,
Словно рыбы в море.

Он глаза слепил
И гудел, как улей;
Он вертел, кружил
В суматохе улиц.

Я впервые в нем...
Я глазел и слушал...

Вот сейчас он дом
На меня обрушит!

Вот поток машин
На меня наскочит.
Шорох быстрых шин
Снился даже ночью...

То звонком шальным,
То горящим глазом,
То гудком хмельным
Испугал не раз он.

Ни реки лесной,
Ни лесного хора:
Красотой какой
Дорог людям город?

Он шумел, спешил,
И не знал еще я
Ни его души,
Ни его героев.

До поры таясь,
Он слепил сияньем:
Он плясал, смеясь
Над моим незнаньем.

1958 г.

Зимняя ночь

Все блестит, на что ни взглянешь.
Снег хрустит, куда ни встанешь.

Россыпь звезд поддев рогами,
Лунный серп звенит над нами.

Дремлет небо все в узорах,
Слышен сосен сонный шорох.

Что за снежный вихрь клубится?
Кто там в лунных искрах мчится?

То бегут мои олени
С новой почтой для селений.

1957 г.

Бурильщик

Нефтяникам Севера

В его квартире
На далеком юге
Струился газ, как голубое утро.
Как снежный наст, когда умчались вьюги,
Сверкала ванна...
Там полно уюта,
Там плещет море в этой тихой ванне.
Там наслаждайся Севером
В квартире:
Вот снег пылает в золоченой раме,
Летит,
Летит
В картинном теплом мире.
А вот олень сияние проносит
На голубых рогах, как на березах,
И словно слышно, как скрипят полозья...
Живи в таком уюте,
Наслаждайся...
А он живет в вагончике не новом,
По трубы занесенном белым снегом.
На койке слева и на койке справа —
Один и тот же сон,
Один,
Как вега.
И два ружья с большущими глазами —
Им сны не снятся,
В них уснули грозы.

Цветет луна на синеватой раме
Серебряными ветками мороза...
А утром —
Снова буровая вышка.
Свидетелем его похода в завтра
Встает она,
То рев моторов слыша,
То крик медвежий,
Тягостный
И ярый.
Стоит в седом тумане буровая,
Гудит она от холода и ветра,
И комарье ей песню напевает
Длиной во все березовское лето.
Да, тяжела бурильщика работа.
Идет бурильщик над пластом Девона,
А под ногами хлюпает болото —
Оно его шагами недовольно.
Оно его шагами недовольно!
Еще жива на свете злая зависть.
Зачем же этот человек упорный
Идет под зимней вьюгой, не сгибаясь?
А над всей Сибирью
Ярче всех сияний
Сияют струи нефтяных фонтанов.
Молчи, болото!
Нет ни расстояний
И ни преград
Таким, как Аллояров!
Идет бурильщик с верною бригадой.
И четкой мыслью светятся их лица.
У них мечта: сквозь косность и преграды
Туда, до черной нефти, добуриться.

Сквозь свист пурги,
Сквозь дикий вой буранов
По вязким топям, по таежной гуще
Идет Форман Курбан оглы Салманов —
С фамилией,
Как скважина, длиннющей.
Да,
Есть душа!
Она уюта шире,
И, разговор о ней затеян если,
Она вместиться может
И в Сибири,
И в космосе,
И в дерзновенной мысли.
Душа —
Она, как солнечные крылья,
Но иногда сгущается, как туча:
В ней зреют грозы, набухают ливни,
Растут мечты —
Как дети, неминучи.
И над крутыми ясными громами,
Над всей вселенной вечной и бескрайней
Вдруг хочется
Так ощутить руками
Тобой самим постигнутую тайну...
Иди вперед,
Иди вперед, бурильщик!
Будь, как мечта, велик и неустанен.
Мечта с тобой —
А значит, все отыщем,
Нефть из сердца у земли
Достанем!

1965 г.

✻

Как давно, давно я не был
В этой песне, в этой грезе,
Где звенит, щебечет небо,
Где трепещет жизнь в березе,
Где вещает радость чаек
О плесканье рыбьих стаек,
Слышу песню счастья манси
В этой сказке, в этом мире.
Песня льется и не гаснет:
Звонче, тише, неба шире.
Песне литься, вечно длиться:
Ведь у манси сердце — птица!

1957 г.

В морозной свежести земля,
И шуба в бисере на ней.
Зима спешит, снежком пыля,
Под стук копыт, под скрип саней.

В пушистом инее леса
Сверкают золотом насквозь.
Костром в кустах мелькнет лиса.
В снегу по грудь проходит лось.

Пушистый снег, морозный день
Зовут меня, мансийца, в лес,
По следу твоему, олень,
Спешу с ружьем наперевес.

Зима спешит, снежком пыля,
И сердце с ней, и счастье с ней.
Люблю тебя, моя земля,
И стук копыт, и скрип саней!

1958 г.

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МОЯ ЗВЕЗДА?

✻

Без оленей в тундре —
путь всегда длинней...
А без милой —
горе одолеть трудней...
Без тебя
и утро на земле темней,
Песня не родится,
сердце холодней,
Как-то неуютно
Без любви твоей...
Нет тебя —
и лыжи утопают в снег,
И олени — вихри
замедляют бег.
Твоего тумрана *
звуки не вольны,
Без тебя —
и зори в тундре не сочны...
Где ж ты скрылась, Миснэ **,
верность не пытай,
Лучше свое сердце
верному отдай!..
Солнце — мою песню

* *Тумран* — губной женский музыкальный инструмент из кости.
** *Миснэ* — добрая лесная волшебница.

в счастье обрати,
Сделай мне оленей
резвыми в пути,
Лыжи-вездеходы
смелому вручи,—
И тогда расплавят
темноту лучи...
Пусть звучит тумран твой,
Музыкой звеня...
Лаской,
теплотою, пламенем огня,
Сказкою лесною
ты входи в меня;
Одари восходом
Свадебного дня...
Не печаль,
не мучай,
пожалей меня.

1960 г.

*

Снег, как пух песца, кружится,
Пенясь под копытом.
Нарта в три оленя мчится
По сугробам взбитым.

Бор притих. Ветра и тучи
Слышат в поднебесье:
Человека дух могучий
К небу взвился в песне.

Пусть не любит, пусть таится —
Час желанный близок!
Как орлица, счастье мчится
На орлиный вызов.

Прямо в сердце счастье рвется —
Сердце ветру радо!
Счастье сердцу отзовется,
Счастье где-то рядом!

1957 г.

*

Дремлют в синей бездне
Звездные гурты.
Сколько глаз небесных
Смотрит с высоты!

И, свои прищуря,
Я гляжу туда.
И опять ищу я —
Где моя звезда?

Бродят в сердце весны.
Жду, тревожусь я,
Отвечайте, звезды,
Где она,
моя?

1957 г.

Лисица

Где ты, где ты,
лисий след?
Вьется вьюга —
следа нет.
«Вий-ю, вий-ю», —
ветер злится.
«Там-там-там»,—
бежит лисица.

Мечет конь копытом белым
голубого снега стрелы,
и, озлившись на мороз,
в нартах взвизгивает пес.
«Вий-ю, вий-ю»,—
ветер злится.
«Там-там-там», —
бежит лисица.

Где узор от лисьей лапы?
Где живой и теплый запах?
Конь-огонь,
лиса — огонь.
Не сдается быстрый конь!
«Вий-ю, вий-ю», —
ветер злится.
«Там-там-там»,—
бежит лисица.

Как во сне,
все ближе, ближе
я твою улыбку вижу.
С тонких плеч твоих
лисица
на меня хитро косится,
а в твоих глазах иное
вижу:
ты довольна мною.
«Вий-ю, вий-ю»,—
ветер злится.
«Там-там-там»,—
бежит лисица.

Рыжей молнией сверкнула
И растаяла лиса.
Плетка прыгнула,
стегнула,
брызнул снег под небеса.
«Вий-ю, вий-ю»,—
ветер злится.
«Там-там-там»,—
бежит лисица.

1960 г.

Снежинки

И. Г. Истомину

У снежинок век недолгий,
У снежинок нрав несмелый,
На бегу растопчет мышка
Те искринки-кружевинки.
Но красивым белым шелком
Станет рой снежинок белых,
Если сдружатся малышки —
Незаметные снежинки.

Видишь, как они искрятся
В белом пламени сугроба?
Кто погасит их сверканья?
Кто сугроба не заметит?
Ветер топчет в злобном танце
Тот сугроб высоколобый,
Но напрасны все старанья —
Не сметет сугроба ветер.
Налетит на снег с разбегу,
Поцарапает, поранит,
Сдунет верхние снежинки,
Закружит одну-другую,—
Но остаться снегу снегом!
Он сверкать не перестанет.
Вот ведь малые снежинки
В силу выросли какую!

1960 г.

✻

Снова в сердце нелады —
Бьется, бьется язем,
Вытащенным из воды,
Выброшенным наземь.

Эти девичьи глаза! —
Снова мысли тонут...
Это русские глаза,
Синие, как омут!

Неужели это явь?
Вдруг она растает?
Бьется сердце, словно язь
Воздух ртом хватает.

1957 г.

Старый пес

На снегу пылает солнце.
В небе — синь без края.
Белка резвая на ветках
В серебре играет.

Белка скачет, звездный иней
Сыплет в глушь лесную.
А под сосенкой кудрявой
Старый пес тоскует.

Старый ханси кружит с лаем,
Ствол кусает, крошит:
Ждет, когда придет хозяин,
Друг его хороший.

Целый день напрасно лает,
Кличет на охоту.
Погрузился лес унылый
В зимнюю дремоту.

Пес не знает: почему же
Друг к нему не вышел,
Почему хозяин чуткий
Зова не услышал?

Облетает звездный иней
С молчаливых сосен,

Запахом зверька живого
Нос щекочет песий.

Хочет пес, чтоб трепетала
Белка в черных лапах,
Хочет он вдохнуть седого
Дыма горький запах.

Все играет белка, скачет
В искристой вершине,
Все дрожит и гнется ветка
И слетает иней.

Неужель он сердце друга
Разучился трогать?
Неужель его охоты
Пройдена дорога?

1959 г.

Русская березка

В морозном небе звезды хохлятся,
Лучами зябкими звеня.
А ей, березоньке, не холодно —
Пригрелась в сердце у меня.

Теплей и сердцу с русским
деревцем,
Не страшно встретиться с пургой,
Куда оно, пустое, денется
Без этой ноши дорогой?

Снега лежат,
А сердцу хочется
Заслышать легкие шаги.
В морозном небе звезды хохлятся...
Как ночи зимние долги!

Хочу, чтоб звезды мне напомнили
Сиянье глаз березки той,
Чтоб были сны мои наполнены
Ее лебяжьей теплотой!
Пугай, зима, гляди волчицею,
Бураном вой, гуди в трубе.
Я сберегу березку чистую,
Я не отдам ее тебе!

1957 г.

Ах, если б так же нам идти...

Звезды осыпали небо,
Месяц в звездах исчез.
О, рыжие лисенята
На синем лугу небес!
Они идут в обнимку
Широким Млечным Путем...
Ах, если бы, дорогая,
Нам так же идти вдвоем!

1957 г.

Миснэ

Дремлет лес, легко дыша,
В нем живет, я знаю,
Миснэ, добрая душа,
Женщина лесная.

Ходит, веточки стройней,
Где-то в снежной дали.
Шубка вышита на ней
Птичьими следами.

Бисер искрится огнем,
Весь в лучистых блестках...
Так сияет ясным днем
Иней на березах.

Пусть ни солнца, ни лучей,
Вьется вьюга злая,
А у Миснэ из очей
Льется ласка мая.

Все согреет этот взор,
Все растопит синий.
Холод сердца, лед озер,
Старых прядей иней.

Если больно от обид,
Миснэ, беспокоясь,

«Тюпын, Тюпын»,— говорит,—
«Милый, милый» то есть.

Миснэ, Миснэ — дар людской,
Светлая отрада!
С Миснэ, ласковой такой,
Ссориться не надо.

А дружить с ней — значит, жить
С песней молодою,
Как по Оби в лодке плыть
Полою водою.

Дремлет лес, легко дышать.
В нем живет, я знаю,
Миснэ — добрая душа,
Веточка лесная.

Только где ее искать?
Лесу много, много!
Слышишь, сердце, хватит спать!
Нам пора в дорогу!

1959 г.

*

Шли два сердца рядом дни и ночи —
И дороги не было короче.
Нет тебя со мной — устали ноги,
Кажется: длиннее нет дороги!

1957 г.

✻

Месяц ли на небе —
жизнь хороша!
Солнце ли встанет —
жизнь хороша!
Если с улыбкой придешь ты своей —
Солнца и месяца станешь светлей!
Не закрывай от меня ты лица,
Радостным светом свети без конца.
Не отводи ты в смущении взгляд,
Пусть мне глаза о любви говорят.
Я без тебя, как без солнца, в тени,
С нежностью руки ко мне протяни!

1960 г.

*

Я ищу,
всю жизнь ищу тебя!
Я тебя найду,
Я знаю это...
Может быть,
Тоскуя и любя,
Как и я, живешь ты,
Бродишь где-то?
В хвойном мире,
Непростом и странном,
Бродишь где-нибудь
невдалеке.
Я плыву
Наперекор буранам
По таежной, яростной реке.
И в неверных отсветах волны
Все ищу,
Ищу твой образ светлый.
Я гляжу
В шаманский лик луны.
Слепну я
От солнечного света.
Я плутаю и зову, и знаю:
Все равно,
На счастье ль, на беду,
Я тебя найду!
Найду.

Найду...
Налитая,
Прочная,
Земная,
Ты не такова, чтоб жить в аду.
Но ведь ты
И с небом не в ладу!
Ты ему — такая — не близка.
Пусто в нем;
Летают облака,
Стынет мрак,
Свирепый и безбрежный.
Нет, ты дочь
Моей Сибири снежной.
Ты — рассвет.
Ты — зимняя река.
...Над косою белой
Бор дымится,
Вздрагивают хвойные ресницы
От голубоватого снежка;
Вот какой мне образ
С детства снится!
В одеяньи радужном
и снежном,
Ты — земля моя.
И нелегка.
Жизнь твоя порой,
И велика
Власть твоя,
И красота,
И нежность.
И пускай
Над хвойной стороною

Дни текут — они тобой полны...
И во мгле шаманит
Надо мною
Волчье солнце, —
Бледный лик луны,
И когда взрывается заря,
Слепну я
От солнечного света;
Я найду тебя,
Я знаю это.
Я всю жизнь ищу тебя не зря!

1959 г.

✲

Где обмелели баки,
Где волн перелет —
Из крепких рук
Рыбачки
Осетр сети рвет.

У ней висят
Не серьги,
А чешуя — в ушах,
У ней — то ли веселье,
То ль солнце — на щеках!

Любуюсь я руками,
Губами, что цветут,
Как брови
Плавниками —
В две стороны плывут!

Конец косы метется
У голубой воды,
И сердце мое бьется:
— Неужто Миснэ ты?

Сверкая чешуею,
Вздохнет она, нежна;
— С отрезанной косою,

Не я тебе
Нужна!
У той смешок во взоре,
Сережки весом в пуд...

А на руках мозоли
Тебя лишь отпугнут!

1960 г.

У ручья

У ручья,
Над плесом голубым,
Встал и замер лось
Косматой глыбой.
Шлепнулась,
Распугивая рыбу,
Капелька
С приподнятой губы.
И дрожат,
И ловят в тишине
Каждый шорох
Замшевые уши.
Ветер бьет по ним,
Как по струне...
Шастают дрозды
Над хвойной глушью.
Блик зари
На розовой сосне...
Что таит, кого ведет тайга
В буреломах — друга иль
врага?
Тяжело шатаются рога
Над горбатой,
Жилистой спиной.
Он мне близок,
Этот зверь лесной!
Он высок и древен,

Как скала.
Он исполнен
Красоты
И силы...
Мне земля мансийская дала
Зренье рыси,
Острый слух лосиный,
Мне дано уменье подглядеть
Красоту
И пить ее,
И петь,
И влюбленный
В песни
И тайгу,
Красоту ищу я, сердцем
светел.
...Ну, подумай,
Как же я могу
Не заметить
Рук твоих и губ.
Глаз твоих зовущих
не заметить?

1964 г.

*

О, как хочется пить вдалеке от воды,
О, как хочется есть,
Когда нету еды!..

Всю дорогу ты снишься под стуки колес.
Днем в бреду разговоры с тобою веду.
Коронована ты полумесяцем кос,
И в душе я не плачу,
А битву веду!

Если я оступлюсь,
И слезами глаза
Мне зальет,
Опрокинется свет голубой,
Ты сумеешь понять, ты сумеешь сказать:
«Не грусти ты, не надо —
Я рядом с тобой».

Нет со мною тебя, ты все ближе, родней,
Ты в груди моей оттепелью живешь,
И от этого легче, и тысячи дней
Ты в минуту одну для меня соберешь.

Нет, не фея — простая работница ты.
Если хочешь,
То солнце с крутой высоты
Я достану арканом — тебе лишь одной.

Север сердце навеки к себе приковал.
Ты, как совесть моя, неразлучна
со мной,
Для тебя переплыл бы
крутой океан,
Чуть живой,
Хоть ползком, но добрался б домой!

1960 г.

*

Дни метутся,
Как метели...
Как же нам сойтись, любя?
Нет ни ложки,
Ни постели
У меня и у тебя!

Пусть на землю туча злая
Сталкивает гром плечом,
Пусть хоть вьюги завывают —
Нам все это нипочем!

И пускай мороз пасется
Вместе с вьюгой на снегах,
А у нас в сердцах —
По солнцу
И по песне — на губах!

1960 г.

Россия

Л. И.

Когда в немыслимую стужу
Погибла мать моя, когда
Мою мальчишескую душу
Заледенили холода,
Мне на плечо рука России
Как материнская легла.
Россия мне и ум и силу,
И кров, и сытный хлеб дала.
Она в глаза мне посмотрела
Так по-весеннему светло,
Что даже душу мне согрело
Ее сердечное тепло.
А вот, когда вступил я в юность,
Она, Россия, для меня
Вдруг девушкою обернулась
С глазами, полными огня.
И сердце, словно солнце мая,
Она зажгла в моей груди.
Ей руку белую сжимая,
Я видел счастье впереди.
В дни радостные и лихие
Женой и другом мне была.
И, как подарок от России,
Она мне дочку родила.
Вот дочь в глаза мои заглянет,
Начнет язык мой понимать...
Пусть, как Россия, доброй станет,

И очень ласковой, как мать.
И пусть еще такое будет:
Две крови в ней одной живут,
Пускай ее мансийкой люди
И россиянкою зовут!

1962 г.

*

Когда стихи, приятели и споры
Тебе наскучат,
Собирайся в путь!
Садись, браток, на поезд самый скорый.
На самый скорый только — не забудь!

Пусть, как хорей, засвищет ветер тонко,
И даль потонет в белых облаках,
Пускай тебя, как малого ребенка,
Дорога покачает на руках.

Пускай стройней и чище станут мысли,
Пускай не слышен будет бег часов...
Пусть мчатся сосны,
Стройные, как Миснэ —
Родная фея
Северных лесов.

Ах, Миснэ, Миснэ!
Если долгим взглядом
Пронизывать лесные терема,
В конце концов покажется, что рядом
Она бежит за поездом сама.

Нет, нет, уже не кажется, не снится —
Она и впрямь летит в твоем окне,
И тронутые инеем ресницы,

Как ветви сосен,
В зимнем чутком сне.

Мелькают в селах парные окошки...
Так это не ее ль глаза, постой!
Как спелым соком ягоды морошки,
Они полны
Теплом и добротой.

В пушистой шапке,
В русском полушалке,
Но с милым навсегда разрезом глаз,
Она к тебе на каждом полустанке
Навстречу выйдет
Много-много раз.

Кто мне она?
Мечта?
Воспоминанье
О давних встречах с девушкой земной?
А может, просто ветер и сиянье
Просторов, околдованных зимой?

Потом приснятся нарты и олени.
О, как знаком их плавный, легкий бег!
И звезды в небе, как глаза селений,
И долгий путь.
И синий-синий снег...

1964 г.

ОГОНЬ НА ОГОНЬ

✻

Нет у меня ружья,
Нет у меня ножа,
Лук мой тугой потерян.

Стрел давно не точу —
Ни птицу, ни злого зверя
Я убивать не хочу.

Но замахнется если
Кто-то на правду мою —
Срежу такого песней,
Словом его убью.

1959 г.

✲

Не браните, прошу, пощадите, молю...
Люди, все свое сердце я вам отдаю!
Не терзайте его, потому что я сам
Беспощадно терзаю его по ночам.

О, кудрявые рощи российских берез,
О, мансийские кедры, кавказский орех!
Я коплю в моем сердце счастливейший смех
И тягчайшую боль человеческих слез.

Люди, люди, я, может быть, очень колюч —
Это только сибирского кедра хвоя.
Я на скалах стою, чтобы, падая с круч,
Омывала меня водопада струя.

Нет, не мутною каплей болотной воды —
Чистой, горной струей мне хотелось бы стать.
Жаркий солнечный луч я хотел бы поймать,
С ним бродить по ночам, согревая сады.

Люди, люди, я часто в глаза вам гляжу.
В них земную любовь и вражду нахожу.
Ничего, если слезы увижу в глазах,—
Лишь бы не было ядерной пыли в слезах...

1960 г.

Пусть горит костер

Если даже весна разоткала узор
На лугах, все равно не гаси свой костер.
Даже в солнечный день, даже в теплую
ночь
Он тебе пригодится. Он может помочь.

Ни проворства, ни сил не жалей,
не жалей.
Пусть пылает огонь, чтобы стало теплей.
Видишь, сколько дремучего леса вокруг?
Не скупись на дрова, не щади своих рук!

Человеку от стужи дано умереть,
Если вовремя рук он не смог отогреть.
Где ни хлеба, ни дров — только голод
и снег,
Там слабеет и гаснет с тоски человек.

Знай, что сердце не лед,— от огня
не умрет,
Но без щедрого пламени станет, как лед.
Пусть пылают поленья, треща и звеня, —
Подложи-ка еще, сердце просит огня!

Там, где гаснет огонь, где сердца
холодны,
Там беззвучно рождается ветер войны;

Тихой-тихой змеей он ползет по земле —
Не забудьте, земные, о мирном тепле!

Не забудь, человек, о высоких кострах,
Даже если метели высоко в горах,
Даже если тебя не морозят они,—
Пусть не гаснут костров золотые огни!

1960 г.

Гроза

Пьет реку радуга-дуга
Сквозь золотые перья,
Ломает молнии рука
Тяжелые деревья.

Пляшет дикая волна
Под треск и грохот грома,
Как рысь, кусается она,
Как лось, она огромна.

И только лодка рвется вдаль,
Так повелось от века.
Я знаю: буря не печаль
Для сердца человека.

Он сколько раз в таежный спор
Бросался, брови хмуря.
И встретит бурю вновь в упор,
Коль снова грянет буря!

1957 г.

Рога

Есть рога у каждого быка,
И они
хранят породы честь,
Есть —
у безобидного жука,
У овцы и той —
обычно есть.
Есть и у оленя
Для врага
Гордые опасные рога;

У злодейки-щуки
Есть рога:
Цепки и остры, как острога...
В облака,
иль в синие стога —
Лунный серп
Вонзил свои рога.

Есть у черта,
точно кочерга,
Волосней облипшие рога...

А зачем —
сам черт не разберет!
Не беда —
я не беру их в счет...

Вот когда они,
добру назло,
Есть у человека самого,
То добра
Не ждите от него.

1960 г.

✲

На спине ослизлой пятна, как заплаты,
Слизистые губы, верткие усы;
Извиваясь, крутит
тушей сизоватой,
На боках покатых
Маковками сыпь...
Кровосос извечный неусыпно рыщет;
Не от голодухи и не от беды,
И гнилое мясо
для налима — пища —
Он вкусней не знает
Отроду еды.
Скользок и извилист —
Все юлит глазами,—
Как у подхалима,
у налима жизнь...
И поймай, попробуй,
голыми руками!
Не налим, а просто —
Водяная слизь.

1960 г.

Сплетня

Словно белка по деревьям,
Скачет сплетня по деревням,
Длинноногим лосем ходит,
Егозит лисой-пролазой.

Залезает в окна птахой,
На зубах хрустит, как сахар,
Языкатым хмелем бродит,
Затуманивает разум.

Ходит сплетня меж домами,
Человечью честь погами
Топчет, как цветы весною,
Как детей новорожденных,

Мажет сердце липкой слизью,
Топором висит над жизнью,
Ранит острою косою,
Как побеги трав зеленых.

Скачет сплетня меж домами.
Языкастая, как пламя.
Обожгла леса — и стали
Словно чучела деревья.

А могли бы здесь плодиться
Куропатки и синицы,

И олени бы гуляли
По зеленому кочевью.

Не чеши язык словами,
А чеши язык зубами.
Пожалей себя, посмейся
Неразумью своему:

Ну, зачем леса сжигать нам,
Ну, зачем цветы топтать нам,
Из живого человека
Делать чучело к чему?

1960 г.

✲

Свой язык
Он знает, как молитву,
Но из родичей ни с кем
Никогда не говорит он
На мансийском языке.
Поздороваться с мансийцем
Избегает, как чужой...
Непонятно —
чем кичится:
Кверху нос
и хвост трубой...
И к чему, с чего бы ради —
Мутный взор из-под бровей?
От бесстыжести во взгляде
Разве можно
стать умней!..
Святость предков
Знает разве
Шалопаем-шалопай?!
Он давно уже не манси,
А мансийский попугай.
Засадить его бы в клетку,
Коль не нравится у нас,
Да возить, по белу свету
Добрым людям напоказ...
Что он пыжится да ищет
Без полета и мечты?

До чего же
стал он нищим
От духовной нищеты...
Хорошо,
Что наши люди
Не забыли одного:
Об оленьем стаде
судят
Не по выродку его.

1963 г.

Глаза

Не тревожьтесь, если хмуро
Поглядят на вас:
Бойтесь узкого прищура
Хитрых, скрытных глаз.

Это значит: беды грянут!
Это значит: лук натянут
И хватает стрел,
И распахнутое сердце,
И доверчивое сердце
Взято на прицел!

Не тревожьтесь, если хмуро
Поглядят на вас:
Бойтесь узкого прищура
Хитрых, скрытных глаз.

Кто сказал, что так вот смотрит
Лишь пытливый ум,
Что прищурка — лишь от солнца
И высоких дум?!
Если волку смотришь в очи —
Видишь: это враг.
В них — лесной, недоброй ночи
Леденящий мрак.
Тучи хмурые нависли,
Молнии видны.

Ты готов к борьбе, и мыслью
Мускулы полны.

В бой! И, силу силой меря,
Ты поймешь опять:
Очи зверя — даже зверя —
Не умеют лгать!
Я люблю глаза оленьи —
Зрелых две луны.

В них — нелживое томленье,
В них отражены
Наши дали, наши елки,
Чистый свежий наст,—
Все, что в памяти и в сердце
Навсегда у нас.
И летит со свистом нарта
Вдаль по целине.
И возвышенней не надо
В мире счастья мне!

И еще — глаза ребенка!
Радость в них живет:
Глянешь — кажется, что звонко
Запоют вот-вот.
Это — две рассветных птицы,
Вешних два ручья.
Хоть не слабый — перед ними
Беззащитен я!
Я не взвешиваю сухо
«Против» или «за»:
Вечно верю вам, живые,
Вечные глаза.

Верю свято, безоглядно,
И целую вас...
Не встречать бы только этих
Щурящихся глаз.
Пусть ослепнут! Пусть растают
Как дурные сны,—
Как над лесом на ущербе
Узкий серп луны...

1964 г.

Волки

Стонут сосны, замерзая,
Чистый снег хрустит,—
Это рысью волчья стая
По лесу бежит.

Зубы острые опасны.
Наст промерзший гол.
Их, голодных, лютых, дразнит
Запах ближних сел.

Снег сухой они хватают
В поле меж холмов.
И все злей глаза сверкают,
Звонче лязг зубов.

«Дай нам крови»,— небо просят,
Поднимая вой.
Но мороз сильней заносит
Кнут над ними свой.

1958 г.

Голова

Бурятский обычай

Таулэй *... Голова, голова...
Это вовсе не простые слова.
Что такое таулэй? То жива
Память предков. И во время торжества
За столом бурятов правит голова.
По обычаю — баранья голова.

Дорогому гостю — таулэй!
С волосами, снега белого белей,
Подает старик — большой это почет.
Или юноша, бывает, подает...

Я волнение стараюсь превозмочь,
Как младенца, поднимаю таулэй.
И глазами теплыми, как ночь,
Стол меня напутствует — смелей!
— Благодарствую! — ответствует мой нож
И срезает ломоть лба. Какого лба!
Я бросаю ломоть в небо. Ну и что ж? —
Пусть над нами правит разум, как судьба!
Нож щеки коснулся — как поцеловал.
Я съедаю тонкий лоскуток,
Словно первый делаю глоток
В пору жажды: сладок он, хоть мал.
Я срезаю ухо заодно:

* *Таулэй* — голова (по-бурятски).

Пусть оглохнут злые! А металл
Остр и справедлив. Язык давно
Вырезан, чтоб лишку не болтал.
Поворачиваю плавно таулэй,
Словно солнце,
Повторяю солнца путь.
Распознать хочу дорогу я людей,
В их сердца хочу поглубже заглянуть.

Возвращаю я с поклоном таулэй
Тем, кто мне доверил таулэй.
Есть обычай в нашей стороне:
Что берется — возвращается вдвойне.
Если голову беру —
Умнее стал,
Если сердце я беру —
Добрее стал.

Возвращаю, возвращаю таулэй.
Возвращаю: стал добрей я и умней.
Это вечный разум твой, родной народ.
Это доброта во мне живет.
Пусть продлится дольше праздник твой!
За столом сидят буряты с головой.
Но велит обычай вековой:
Надо быть повсюду с головой.

1965 г.

Рыбы

Шутка

Ручьи звенят на всю тайгу
В моем родном краю.
И без ухи я не могу
Представить жизнь свою.

Вся сила в нас от обских рыб,
Крепки мы от ухи.
И мы без рыбы не смогли б
Писать даже стихи.

Кровь рыб, как камень, холодна,
Но наша кровь кипит,
Когда жильцов речного дна
Хозяйка потрошит.

В нас быстрота от резвых щук,
От них порыв и пыл.
А наш осетр, наш добрый друг,
Нас к важности склонил.

В нас нежность сосьвинских сельдей,
Напористость язя,
Живучесть с отроческих дней
У нас от карася.

Глаза тайменей молодых
Прекрасны, как цветки.

Мы детям подарили их —
Сынам моей тайги.

Твоя коса, как рыбий хвост,
Красавица моя,
Твой бисер ярче зимних звезд,
Точь-в-точь, как чешуя.

Прыть хариуса-молодца
Нам по душе пришлась,
И от налима-хитреца
Есть кое-что у нас.

Плывет муксун меж скользких глыб..,
Рыбак, нельзя дремать!
Так каждый день мы ловим рыб,
А им нас не поймать.

1960 г.

Огонь на огонь

Кто простит мне молчанье,
Если длинен язык у огня,
Если скачет огонь по тайге
вороватою рысью?
Если кедра-красавца изгрыз и обуглил
огонь?
Кто простит мне, скажите, молчанье
чувства и мысли?
Я не смею молчать.
Я обязан, как ветер, взлететь,
Я обязан, как знамя, взлететь над
трибуною красной!
Острой молнией стать,
А потом, словно гром, прогреметь,
И обрушить огонь на огонь,
Чтоб недоброе пламя погасло!
Только встречным огнем укрощается
злоба огня.
Перед злобным огнем на молчанье
нет прав у меня.
Я не сдержан, как вьюга.
И не вежлив я, как половодье,—
Так толкуете вы обо мне
И зовете к молчанью.
Но я вижу, как солнце вы мажете
черною сажей.
И не выдам я солнца.

И цветов не отдам я,
И людей дорогих не отдам я
Языкам вашим на поруганье.
Не красив, не уживчив я?
Но со всеми ужиться нельзя.
Серебристой плотвичкой довольна
зубастая щука.
Я не буду плотвичкой.
Я, как малая стерлядь в колючей
кольчуге,
Буду храбр и опасен свирепой
прожорливой щуке.
Жизнь — как битва с морозом!
Не кончена битва, не ждите!
Нет, елейный язык не сумеет тепла
отстоять!
Вы браните меня, вы лесной росомахой
рычите,
Но порывистей ветра взлечу я
над красной трибуной,
Чтобы правду свою отстоять!

1963 г.

Дикари двадцатого столетья

О, дикари двадцатого столетья,
О, варвары с холеной кожей белой,
Не открывал Колумб вас на планете
И не о вас сложил стихи Лонгфелло.

Ваш озлобленный ум хитер, ничтожен,
И, приходя в тропические страны,
Вы убивали песню чернокожих
И на людей охотились с арканом.

Вы их возили, как скотину, в трюмах,
Томили жаждой и стегали плетью,
О, варвары в изысканных костюмах,
О, дикари двадцатого столетья!

Болит моя душа, как будто сам я
Лежу ничком, придушенный арканом,
И не в меня ли это мечет камни
Оскаленная банда ку-клукс-клана?

И не мое ли раненое тело
В пучину моря тащат кашалоты?
И не меня ли жгут напалмом белым
Рабовладельцев этих самолеты?

О, дикари двадцатого столетья!
Вы слышите ли там, за океаном,

Как чернокожие кричат под плетью:
— Мы тоже люди, мы не обезьяны!

Вы, шулеры, играющие в кости,
Деньгами отравившие полмира.
Вы слышите ли, бледные от злости,
Гортанный голос Конго и Алжира?

Свободы клич — он слышится повсюду!
С отекших ног своих колодки скинут
Те, кто дробит урановые руды,
И сгинет грозный призрак Хиросимы!

Есть на земле глаза темнее мрака:
В них боль веков и в них надежды пламень.
И, если б те глаза умели плакать,
Они могли б прожечь слезами камень.

И есть печаль, что даже слезы сушит,
К печали той большой и я причастен.
И мне бы тоже наплевали в душу,
Когда б я был у дикарей во власти!

Меня связали с той далекой болью
Единых дум, единой крови узы,
Меня бы тоже отдали в неволю
И придавили непосильным грузом.

Ловили бы арканом, как оленя,
Томили б жаждой и стегали плетью,
Когда б меня не спас великий Ленин
От дикарей двадцатого столетья!

1960 г.

ЮЛИАН

Юлиан

Поэма

Когда смотрю я на отца, голубоглазого, кудрявого, когда любуюсь, как он мастерски перебирает в неводе сосьвинскую селедку, когда я слышу легенды о нем, живом, о коммунисте, одном из организаторов первых мансийских колхозов, невольно задумываюсь: а кто же я такой?

Когда околдован я длинными, как зимняя ночь, сказками, когда в древних песнях вдруг кольнут меня слова:

Мы уйдем, покинем землю,
Чтобы больше не родиться.
И на быстрых конях-лыжах
Не скользить за соболями.
Наши лодки, как могилы,
На песках сгниют тоскливо,
И в деревнях опустелых
Будут жить одни лишь мыши,—

— я задумываюсь: а кто такие манси?

Еду ли по степям Бурятии, брожу ли по древней Новгородской земле, беседую ли на берегах Дуная, на горе Гелерт с каменным Юлианом, я задумываюсь о судьбах народов...

Юлиан... Его каменная рука протянута к Уралу.

«Оттуда мы пришли,— говорит он.— Я сам в этом убедился еще в XII веке, когда ходил на поиски прародины венгров. Там встретил родственные племена и язык понятный. И на Урале жили угры...

Но с востока в то время подул черный ветер, и по прекрасному лицу Земли побежали черные тучи. Они сметали все на

своем пути, не оставляя и камня на камне... Черные тучи угрожали и Венгрии. Но осилить высокие горы им не удалось. А мелодичные звуки родственной уральской речи, говорят, исчезли навечно...» — каменно вздохнул Юлиан.

Мне пришлось поспорить с Юлианом на мансийском языке. Услышав знакомой речи звуки, он высоко поднял каменные брови — мол, как, Юван, ты справился с веками?

«Будут жить одни лишь мыши»,— вырвалось когда-то из истерзанного сердца моего далекого предка... Я мышь? Нет! Я человек! Так, значит, я и вправду выжил! Выходит, что предки все же верили, что холоду не вечно царствовать... И взойдет однажды не холодное, а теплое, щедрое, разноцветное сияние. И тьма растает. И люди станут братьями.

И потому, наверное, северные женщины, завязав в берестяные люльки своих малышей, закинув их за спину, шли в болота. Туда, куда никто не доберется... И там начинали новую жизнь.

Так много раз, наверно, умирал я, так много раз, наверно, вновь рождался, и женщины несли меня, веря, что взойдет волшебное сияние, и я заговорю, раскрою сердце древних, а добрый мир будет слушать древнюю исповедь.

✲ 1 ✲

Не видел солнца я зимою вьюжной,
И девушки своей не знал до срока,
И с Нуми-Торум * не водил я дружбы,
Покуда не сдружился он с «Востоком»...
Мой Юлиан!
Прости, что это имя
В моих стихах доныне не звучало...

* *Нуми-Торум* — небо.

А ты ходил дорогами моими,
Искал меня за каменным Уралом.
На древнем языке моем певучем
Хотел ты говорить, как дождь с рекою,
Как снег, поющий над моей тайгою,
Как девушка с любимым, самым лучшим.

Да, мы с тобой когда-то были вместе!
Мы встретились, как брат с любимым братом,
Как две березы, мы стояли рядом,
Как две реки, сливались наши песни.

С тех пор прошло почти тысячелетье.
Какое имя я носил в ту пору?
Быть может, тихое, как птичий шорох,
Быть может, громкое, как рокот меди?

* 2 *

Не в имени дело.
Я мчался на крыльях,
А лошадь искрилась
Морозною пылью,
А лошадь была
Тонконогой и быстрой,
А лошадь летела,
Как искра, как искра...
...А рядом кудрявые
Бродят бараны,
Они муравьями
В снегу копошатся,
Черны, словно уголь.
Как дивно и странно, —

На севере вьюжном
Откуда им взяться?
По сказкам и песням
Бредут, словно тени,
В легендах блистая,
Как черные стрелы;
От прадедов
К юным бредут поколеньям,
По снам моим бродят,
Как новая эра,
По тысячелетью,
Как по равнине,
В легендах мансийских
Все бродят и бродят.
Какое носил я
Старинное имя?
И что обо мне
Говорили в народе?
Быть может, я в городе жил
Высоченном,
Где вар в раскаленных котлах
Кипятится?
Надежными были
Той крепости стены,
И в город тот было
Врагу не пробиться.
На стену взглянув,
Криводушные волки
Назад возвращались
С оглядкой пугливой.
Потели рубахи
Из лунного шелка,
И сабли в ножнах

Засыпали лениво.
Тесал я в том городе
Горные камни.
Из камня ваял я
Свой образ веками.
И дрался с шайтаном
И в битвах неравных
Шайтан, как стекло,
Разбивался о камень.
Всю жизнь я отдал
Тесанию камня,
И в сказках бродить и бродить
По векам мне...

* 3 *

Тысячелетье... тысячелетье...
Какое имя я носил в ту пору?
Мир древних сказок и широк, и светел.
В нем все волшебно — и моря, и горы.
Я тоже сказочный. В одной руке держу
Я молнию. В другой пылает солнце.
И вот на сказочном коне сижу,
И конь галопом сказочным несется.
Зовут меня Отыр — небесный сын.
Богатырем слыву я у народа,
И льются песни плавные, как жир,
Что выплеснут на вздыбленную воду...
В грядущие лечу я времена
На звуках песен плавных, как луна...
Я прирос к ним накрепко,
Как к спине коня.
Мчат легенды буйные

Буйного меня:
За леса, что чешут
Небо гребнем синим,
За болота вязкие,
Как навоз лосиный,
За века длиннее
Длинной ночи севера,
Той, где слез не считано
И скорбей не меряно.
Только сердце екает
От полета быстрого...
Вот упал я замертво
На поляну мшистую,
Травкою волшебною
Ожил я под утро
И взлетел под облако
Острокрылой уткой...
Мой Юлиан, под сенью темных крон
Встречались мы, как брат с любимым братом,
И, как два кедра, мы стояли рядом,
И речь лилась, как санквалтапа звон...
Так два весла по волнам дружно бьют,
Так два коня несутся дружной рысью,
Как жир по волнам, плавно льются мысли
И на единый лад сердца поют!..

* 4 *

С той земли, где поселилось
Лето вечное, как время,
Ты привез напиток пряный
И поил лесное племя.
Мы тебя одели в шубу:

На мехах узор крылатый
Мудрым был и тонким, словно
Чьих-то мыслей отпечаток.
А твоим собратьям южным
Отплатили мы сторицей
Горностаем белее снега,
Чернобурою лисицей.
Мы прощались-целовались.
Мы клялись в любви и дружбе,
Но вмешался в наши речи
Дальний гул,
как вихорь вьюжный,—
Словно вдруг подрались лоси,
Словно вдруг завыли волны...
Высоко взметнули сабли
И стучали долго-долго!
Словно вдруг леса и реки
Сотрясло землетрясенье...
Затевая пляску смерти,
По земле помчались тени.
Наши речи, словно реки,
Онемели от мороза.
Враг насел двуногой тучей,
Темнолицый, плосконосый,
И язык огня запрыгал,
Словно зверь таежным краем,
И рекою, и рекою
Заструилась кровь людская.
Мы сказали Юлиану:
— Ос емас улум *, друг бесценный!

* *Ос емас улум.*— Будь счастлив.

А потом припал я в гневе
К лошадиной гриве пенной.
По-медвежьи распластавшись,
К телу лошади прирос я,
И врагов рубил я саблей,
Словно уток плосконосых.
Просверкал я по востоку
Саблей-молнией колючей,
Прогремел тяжелым громом,
Пролетел синицей-тучей.
И молва стократным эхом.
Мое имя повторила —
Имя грозного Отыра —
Повторила и забыла...

✻ 5 ✻

Куда я девался?
Быть может, оглох?
Быть может, ослеп
И упал без сознанья?
Как мертвый уснул я
На десять веков.
А мир без меня продолжал
Созиданье.
Все так же ползли
Червяки по земле,
И бобр мастерил
Деревянную хату,
И ветер чертил
Письмена на скале,
И мчалась орлица
Луною крылатой.

Семь зим отоспал я,
И тысячи зим
Отоспал без просыпа,
А снег,
На валежник сухой налипая,
Меня, как медведя в берлоге
Засыпал...
Мне снились порою
Волшебные-сны:
Сияющий город,
Дома-великаны,
Высокая твердь
Неприступной стены
И пастбища,
Полные черных баранов.
А сам я пастух,
И куда-то бреду,
Пою и пою
От зари до заката.
Сплю — и просыпаюсь
Я на миг во сне:
Рысью, рысью, рысью
Мчусь я на коне;
За леса, что чешут
Небо гребнем синим,
За болота вязкие,
Как навоз лосиный,
Только сердце екает
От полета быстрого.
Вот упал я замертво
На поляну мшистую,
Травкою волшебною
Ожил я под утро

И взлетел под облако
Острокрылой уткой.
Вижу реки синие,
И озера синие,
Словно очи девушек,
Девушек России...
Семь раз
В них тонул.
Семь раз
Выплывал.
Семь раз
Меня в лед
Шайтан
Превращал.
Семь раз
Я кипел
В котле
На обед.
Семь раз
Меня съел
Колдун-
Людоед.
Семь раз,
Семь раз
Леденела кровь.
Семь раз,
Семь раз
Я родился вновь!

✻ 6 ✻

Полярной ночью сердце плачет, плачет...
Рассвет далек.

Рассвет придет не скоро.
Но час настал — как быть могло иначе? —
Рассвет настал и я пришел в твой город.
Ты — каменный, а я живой, ты видишь?
Тысячелетье — это срок немалый.
Меня зовут Юван. Не будь в обиде,
Что на свиданье наше запоздал я.
Тысячелетье — это срок огромный.
Ты помнишь, как, готовясь к новой встрече,
Отправился ты снова в путь бездомный,
Что вновь слились, как реки, наши речи...
Но там, где жил я,— на равнине голой
Одни лишь камни мертвые лежали,
А горы головы склоняли долу,
И тучи плакали, и реки вспять бежали.
Как ты рыдал над мертвым, надо мною!
А я — живой, а я пришел, дружище!
И речь моя мансийская со мной,
И песнь моя своих собратьев ищет!
Из камня все — твои уста и руки...
Но что я вижу? Камень шевельнулся.
Услышал ты знакомой речи звуки,
Услышал речь родную и проснулся.
Высоко поднял каменные брови —
Мол, как, Юван, ты справился с веками?
Мол, как не утонул ты в море крови?
Мол, как сумел не превратиться в камень?
В огне мягчает крепкое железо,
Как женское податливое тело.
В морозы лютые горит железо
И рассыпается золою белой.
А я огонь и стужу вынес, слышишь,
Мой Юлиан,— чтоб нам с тобой обняться.

Ты удивлен, ты учащенно дышишь,—
Мой Юлиан, не надо удивляться!

* 7 *

Так было задумано:
Здесь на горе
Высокая встреча
Дана нам судьбою.
Здесь волны Дуная
В стоцветной игре,
Здесь Буда
Встречается взглядом с тобою.
Девчонкой на пляже
Здесь нежится Пешт,
Горят, как янтарь,
Виноградные кисти,
И к солнцу
Повернут лицом Будапешт —
Нарядный подсолнух
В пыльце золотистой.
Здесь женские очи
Чернее в сто крат,
Чем сливы
В разгар урожайного года.
Здесь мир охраняют,
Советский солдат
И женщина *
С именем звучным — Свобода.

* *Советский Солдат и Женщина* — имеется в виду памятник Свободы на горе Гелерт, в котором идея свободы выражена женщиной, несущей над головой венок, а ее охраняют советские воины.

Я счастлив, что есть
Этот солнечный путь,
Которым я шел,
Чтоб с тобою обняться,
Я горд за народ твой,
Сумевший вдохнуть,
Как воздух,
Идею всемирного братства!
Он тронул меня,
Словно ветер волну.
И трогаю я
За струною струну...

1964 г.

Содержание

Песни горячего сердца
Перевод Л. Шкавро. 3

Я согрею.
Перевод Н. Грудининой. 5

Человек родился

Человек родился.
Перевод О. Шестинского. 9

Ой, легенды, что вы врете!
Перевод Н. Грудининой. 12

Снова сердце бьется.
Перевод Н. Грудининой. 14

Звезды на снегу блистают...
Перевод Г. Семенова. 16

Я проснулся...
Перевод Н. Грудининой. 18

Мать.
Перевод С. Ботвинника. 19

Березы золотые и газ.
Перевод А. Родыгина. 21

Всесильный чай.
Перевод Н. Грудининой. 23

Вот таких, как люди...
Перевод А. Максаева. 24

Город.
Перевод Н. Грудининой. 25

Зимняя ночь.
Перевод П. Кустова. 27

Бурильщик.
Перевод А. Аквилева. 28

Как давно, давно я не был...
Перевод А. Богданова. 31

В морозной свежести земля...
Перевод М. Дудина. 32

Где же ты, моя звезда!

Без оленей в тундре...
Перевод Л. Шкавро. 35

Снег, как пух песца...
Перевод Н. Грудининой. 37

Дремлют в синей бездне...
Перевод Д. Сухарева. 38

Лисица.
Перевод Н. Грудининой. 39

Снежинки.
Перевод Н. Грудининой. 41

Снова в сердце нелады...
Перевод Д. Сухарева. 42

Старый пес.
Перевод Н. Кутова. 43

Русская березка.
Перевод Д. Сухарева. 45

Ах, если б также нам идти...
Перевод О. Шестинского. 46

Миснэ.
Перевод Д. Сухарева. 47

Шли два сердца рядом...
Перевод С. Ботвинника. 49

Месяц ли на небе...
Перевод Н. Поляковой. 50

Я ищу...
Перевод М. Демина. 51

Где обмелели баки...
Перевод В. Цыбина. 54

У ручья.
Перевод М. Демина. 56

О, как хочется пить вдалеке от воды...
Перевод В. Солоухина. 58

Дни метутся...
Перевод А. Максаева. 60

Россия.
Перевод Н. Старшинова. 61

Когда стихи, приятели и споры...
Перевод И. Фонякова. 63

Огонь на огонь

Нет у меня ружья...
Перевод Г. Семенова. 67

Не браните, прошу...
Перевод Н. Грудининой. 68

Пусть горит костер.
Перевод Н. Грудининой. 69

Гроза.
Перевод М. Дудина. 71

Рога.
Перевод Л. Шкавро. 72

На спине ослизлой...
Перевод Л. Шкавро. 74

Сплетня.
Перевод Н. Грудининой. 75

Свой язык...
Перевод Л. Шкавро. 77

Глаза.
Перевод И. Фонякова. 79

Волки.
Перевод П. Кобракова. 82

Голова.
Перевод Н. Злотникова. 83

Рыбы.
Перевод О. Шестинского. 85

Огонь на огонь.
Перевод Н. Грудининой. 87

Дикари двадцатого столетья.
Перевод Н. Грудининой 89

Юлиан

Юлиан. Поэма.
Перевод Н. Грудининой. 93

*

Редактор
Т. Раздъяконова.

Художественный
редактор Я. Чернихов.

ХУДОЖНИК
М. БУРЗАЛОВ

Технический ред. Л. Асс.

Корректоры
К. Ушакова
М. Свалухина

*

ШЕСТАЛОВ
Юван Николаевич

ОГОНЬ
на
ОГОНЬ

Подписано к печати 21/X 1966 г.

НС 21370. Уч.-изд. л. 3,23.

Бумага $70\times108^{1}/_{32}=1^{3}/_{4}$ бум.—4,9 п. л.

Тираж 10 000. Изд. № С-738.

Заказ 479. Цена 31 коп.

✲

Средне-Уральское
Книжное Издательство,
Свердловск, ул. Малышева, 24.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск,
проспект Ленина, 49.

264662004
Окружная библиотека